

Ежегодно официально регистрируется более 30 тыс. убийств, в том числе 20 тыс. — заказных. По количеству убийств Россия занимает первое место в мире.

По результатам исследований ВЦИОМ, из 60 млн трудоспособного населения России одна треть — хронические алкоголики, 4 млн наркоманов, более миллиона отбывают сроки в тюрьмах и лагерях. На 100 тыс. жителей России приходится 38 самоубийств в год (почти вдвое больше предельной черты) — одно из первых мест в мире²⁸.

Будущим поколениям грозят маразм, одичание, вырождение не только духовное и моральное (оно уже налицо), но и физическое. Не утешайте себя, господа, многотысячными тусовками “Наших” (чьих “наших”-то, чьих, господа?) на озере Селигер... Видно же, что это всего лишь Большая Игра, но не Дело и не Работа. Будущее грозит, бойтесь Будущего!..

Вот такие (пока?) результаты “возрождения России”... Но об этом не услышишь по радио, не узнаешь по телевизору — СМИ снова под жёстким госконтролем. Если верить им, жизнь становится всё радостней и веселей...

Ах, милый Иван Алексеевич! Вот взошло Ваше белое солнце, вернулось в Россию время господ, но чрезвычайно редко кто решается обратиться к другому словом “господин”. Даже Президент России и её премьер-министр предпочитают слово “коллега”, хотя звучит это, право же, очень смешно. Мало, безумно мало тех, кто чувствует себя господином в этой жизни, несколько десятков, ну, может, сотня тысяч на всю 140-миллионную Россию. И только Вы, дорогой Иван Алексеевич, ровня им, потому что хоть и обедневший, но всё же помещик и дворянин. Настоящий белый. Но пообщались бы Вы с некоторыми из них, и Вас бы стошнило от их духовного убожества и морального уродства... Вот уж воистину — “чернь”, “белая чернь”.

* * *

Снова скажу: тяжело, невыносимо тяжело было мне перечитывать “Окаянные дни”, читать одну за другой бунинские статьи, до самых краёв налитые яростной злобой, испепеляющей ненавистью и барской брезгливостью ко всему, что происходило в революцию, в годы Гражданской войны и в Советском Союзе.

Однажды вдруг поймал себя на мысли: Боже мой, да ведь мне, родившемуся в 1936 г., в ноябре 1953 г., когда Бунин умер, было уже семнадцать лет!.. Семнадцать лет я и Бунин жили в параллельных мирах. Я родился в Ленинграде и вырос при советской власти, обучен и воспитан ею; за эту власть, за Родину отдали жизни в Великой Отечественной мой отец и его брат — оба коммунисты; семья наша — мама, сестра, старший брат и я пережили полтора самых страшных года фашистской блокады Ленинграда; я был пионером, комсомольцем, членом компартии, служил стране преданно и честно. И было за что служить — одно образование моё чего стоит!.. Я — из простонародья, но, как говорится, “вышел в люди”...

Выходит, Бунин яро и скопом ненавидел меня, мою семью, моих друзей и товарищей, миллионы людей, по его понятию сплошь “большевиков”, которые между тем сотворили “советское чудо” — превратили Россию лапотную в Россию индустриальную и электрическую, победили фашизм в Великой Отечественной войне, первыми в мире начали освоение космоса — Боже, да разве надо перечислять всё великое, что сотворили “большевики”?.. И всё это псу под хвост?!

Но Бунин — не сверчок за печкой: великий русский писатель. А я, волею судьбы, председатель Попечительского совета литературной Бунинской премии, должен знать, что такое — Бунин. И я продолжал читать...

Моментами что-то хорошее в моём уже сложившемся отношении к Бунину рушилось, но вскоре восстанавливалось на прежнем месте, возрастало ещё выше... и снова падало, и снова возвышалось... Час за часом, день за днём в моей душе происходили какие-то чудеса превращения: она протестовала, возмущалась, тоже презирала и ненавидела, болела, стонала, плакала и кричала, но, кажется, всё же росла... И Бунин — злой, холодный, отстранённый, замкнутый и высокомерный — становился мне... не скажу — ближе, но объяснимей и понятней: за каждой строкой я почти воочию видел и чувст-